

Для цитирования: Холоднова, К. Н. Антропология Великого Инквизитора в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» / К. Н. Холоднова // Социум и власть. — 2023. — № 3 (97). — С. 66—77. — DOI 10.22394/1996-0522-2023-3-66-77. — EDN VPYTPD

УДК 128

EDN VPYTPD

DOI 10.22394/1996-0522-2023-3-66-77

АНТРОПОЛОГИЯ ВЕЛИКОГО ИНКВИЗИТОРА В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»

Холоднова Ксения Николаевна,
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова,
философский факультет,
аспирантка кафедры
философской антропологии.
Москва, Россия.
ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-7336-0230>
E-mail: kholodnovaksenia@mail.ru

Аннотация

Введение. Технократизация, с которой человек сталкивается в текущей действительности, наряду с повышенным жизненным комфортом, принесла с собой также и явную угрозу изменить статус человека в мире безвозвратно. В дискурсе современной постгуманистической философии предпринимаются попытки не аннулировать привилегии человека, но распространить их на весь мир, т. е. сделать страдание, способность вопрошать, субъектность и другие характеристики человека принадлежащими всем. Русская философская традиция вопрошания о человеке на протяжении своего существования отрицала и продолжает отрицать деантропологизацию мира и стремится вести дискурс о человеке как о том, кто онтологически не равен миру и не может быть вытеснен с привилегированной позиции, которую он занимает.

Цель. Целью данной статьи является попытка затронуть наиболее интересные, на взгляд автора, работы, существующие в мировом исследовательском поле, касающиеся философского понимания «Легенды о Великом инквизиторе», а также развить собственную мысль, в основе которой лежит попытка философско-антропологически преломить «Легенду...» и показать, что она несет в себе черты именно русской философской мысли и радикально отрицает деантропологические тенденции западной мысли, вытекающие из ее внутренней логики и закономерно

приведшие ее к обнулению привилегированной позиции человека в мире, а также продемонстрировать возможности, которые предоставляет русская философская традиция для преодоления антропологической катастрофы, так широко обсуждаемой сегодня.

Методы. Основным методом исследования является сравнительный философский, а также литературоведческий анализ сочинений Ф. М. Достоевского, В. В. Розанова, Н. А. Бердяева, С. Л. Франка, А. Камю, Э. Фрейда, И. Нейфельда, Г. Гессе, а также точечное обращение к работам К. Н. Леонтьева, С. Н. Булгакова, Н. О. Лосского и В. С. Соловьева. Данные виды анализа имеют своей целью выявление коннотаций и расхождений в философских системах исследуемых мыслителей как на уровне текстуального анализа их произведений, так и на уровне изучения их концептов. В качестве вспомогательного метода используется текстологический анализ. Автор статьи отдает сознательное предпочтение сравнительному методу как такому, который служит достижению цели данной статьи.

Научная новизна исследования. В работе сделан акцент на сравнении попыток концептуализировать человека в дискурсе русской и европейской мысли. На примере ряда представителей русской и западной интеллектуальной традиции, а также сравнительного анализа их концептов автор статьи предпринимает попытку отразить глубинную разницу двух антропологий. Кроме того, автор предпринимает попытку найти в философии Ф. М. Достоевского те глубинные антропологические проблемы, которые имеют всеобщий характер, и нашли свое осмысление как в русской, так и в европейской философской традиции.

Результаты. Автор исследует антропологические конфигурации философий выбранных мыслителей. В статье анализируются как русские, так и европейские попытки вопрошать о человеке, сконцентрировавшие свое внимание на трактовке «Легенды о Великом Инквизиторе», входящей в состав последнего романа русского писателя и мыслителя Ф. М. Достоевского.

Выводы. Для русской философской мысли, в корне которой лежит Евангельская традиция осмысления человека, свойственны попытки видеть человека как конечное, которое вмещает в себя бесконечное. Русская философия в своих идеях продолжает отстаивать человека, его бытийственную уникальность и субъективность, гарантированную Богом. В то же время европейская философия идет по пути развития, в процессе которого человек рискует потерять привилегии существования, концептуализируется постчеловек, сверхчеловек и намечается тенденция к стиранию границы между человеком и нечеловеческими сущностями.

Ключевые слова:

русская философия,
антропология Достоевского,
человек,
деантропологизация

Введение

Эпоха господства технократизма, в которой находится современный человек, требует от него попыток определить собственное место в мире, очертить зону специфически человеческого, а также выделить область, в которой человек не может быть заменен постчеловеческими сущностями. Происходит глобальный слом мировоззренческих установок, в процессе которого мы вынуждены наблюдать за непрекращающимися попытками сместить человека из центра на периферию, а также онтологически уравнивать его с миром, подорвав идею антропоцентризма. В попытках защитить человека от стирания онтологических делений в современном мире автор статьи рассматривает русскую философскую традицию вопрошания о человеке как поле возможностей для преодоления антропологической катастрофы, которая, в свою очередь, воспринимается как результат кризиса субъекта, вызванного развитием западной философской мысли. Профессор Ф. И. Гиренок будет говорить о двух кризисах субъекта в человеческой истории: первый из них будет связан с разрывом между субъективностью и принципом объективности, а второй с разрывом между субъектом и субъективностью. Из мира, где субъект не принадлежит субъективности, исчезает все, что не существует в мире, но дано человеку. В таком мире место человека размывается, а позиция становится шаткой. Избежать этого русская философская традиция предлагала, обратившись к Богу.

Федор Михайлович Достоевский (1821—1881) — великий русский писатель и философ, один из самых читаемых русских мыслителей в мире. Литературный модернизм, экзистенциализм и различные школы психологии, теологии и литературной критики были сформированы на базе его идей.

«Братья Карамазовы» (1878—1880) — последний роман великого писателя, в котором нашли свое отражение идеи, мучившие Достоевского на протяжении почти 15 лет. Изначально роман задумывался как первая часть эпического произведения под названием «Житие Великого грешника», но замысел так и не был реализован, потому что Достоевский умер через два месяца после окончания публикации романа в журнале «Русский вестник».

«Легенда о великом инквизиторе», пожалуй, наиболее интересная для исследователей часть романа. Именно об этом свидетельствует то количество публикаций на эту тему, которое имеется как в русской, так

и в мировой философской мысли. Зигмунд Фрейд в своей работе «Достоевский и отцеубийство» писал: «Братья Карамазовы» — величайший роман из всех, когда — либо написанных, а «Легенда о великом инквизиторе» — одно из высочайших достижений мировой литературы, переосмыслить которое невозможно». [25, с. 297] Герман Гессе в эссе «Достоевский и закат Европы» заявляет: «...то, что некий отдельный человек смог написать «Карамазовых», — чудо». [4, с. 325] Высоко был оценен роман и русскими мыслителями, мы остановимся на некоторых из них, однако следует заметить, что их гораздо больше. С. Л. Франк писал: «Легенда Достоевского, вплетенная в фабулу его романа «Братья Карамазовы», принадлежит к тем великим символическим творениям духа, толкование которых, как, впрочем, и толкование самой реальности, всегда останется спорным и в конечном итоге зависит от глубины и ширины духовного опыта читателя». [24, с. 243]. Согласно Н. О. Лосскому, «всякое гениальное художественное произведение содержит в себе такую полноту жизни и глубину смысла, которая не может быть осознана до конца и выражена в понятиях ни самим творцом его, ни комментаторами. Легенда Великий Инквизитор принадлежит к числу величайших творений Достоевского». [14, с. 354] Здесь же можно процитировать Н. А. Бердяева, В. В. Розанова, С. Н. Булгакова и других.

В 5-й книге романа, которую Достоевский назовет «Pro и contra», что не случайно, т. е., речь идет о схоластическом методе ведения дискуссии, содержатся два наиболее значимые главы романа, а именно «Бунт» и «Легенда о Великом Инквизиторе». Читатель становится свидетелем встречи и разговора двух братьев: Алеши и Ивана Карамазовых, в котором Иван пытается ответить Алеше на вопрос: почему он мира не принимает? А также поговорить как настоящие русские, ведь «настоящим русским вопросы о том: есть ли Бог и есть ли бессмертие, или, вопросы с другого конца, конечно, первые вопросы и прежде всего» [6, с. 277]. Именно в этом разговоре рождаются наиболее метафизически глубокие проблемы, которые являются специфически человеческими и не имеют срока давности, а именно проблема слезы ребенка как платы за грядущее счастье всего человечества, проблема оправдания существования зла в мире, сотворенном Богом, или вопросы теодицеи, проблема радикального прощения того, что, как кажется, является непростительным и т. д. Именно они толкают Ивана — одного из самых сложных героев Достоевского, которого Лосский

назвал «титаническим богоборцем» [14, с. 360], — придумать легенду о Великом Инквизиторе. Библейская Книга Иова, паразитирующая Достоевского, помогла ему глубже, тоньше, острее поставить посредством образа Ивана те самые «первые» вопросы. Иов — библейский персонаж, который, будучи праведником, был подвергнут Богом большим испытаниям. «А Иов все время говорит неправильные вещи: он ропщет, он протестует, он проклинает день своего рождения, он не согласен с тем, что заслужил выпавшие на его долю испытания» [15, с. 171]. И, так же как Иван Карамазов, он пытается искать у Бога ответов. С. Н. Булгаков справедливо замечает, что Иван совсем не является активным актором в романе. Все силы, которые есть внутри него, уходят на внутреннюю борьбу, на постановку проклятых вопросов и осуществления попытки разрешить их. «Постоянное страдание, жгучая боль неразрешенных сомнений заставляет Ивана внимательно относиться только к своему внутреннему миру; на участие во внешней жизни у него не хватает сил» [3, с. 198]. Попытки вопрошать и найти ответы его изводят, мучат и не отпускают. Временной фактор также оказывается значимым для Ивана: «желание “всего” сразу противопоставлено медленному течению времени в Св. Писании» [22, с. 203]. Одним из способов поставить проклятые вопросы и дать на них ответы и становится «Легенда о Великом Инквизиторе», которая является отдельной, 5-й главой 5-й книги романа. Мы встречаем Великого Инквизитора в Севилье, Испании в «самое страшное время инквизиции, когда во славу Божию ежедневно горят костры» [6, с. 294]. В это время, почти незаметно для людей происходит второе пришествие Христа, которого по распоряжению Инквизитора заточают в тюрьму. По сути содержанием легенды становится монолог инквизитора, обращенный к Христу, в котором он пытается «исправить» [6, с. 304] учение его во имя счастья всего человечества. Наиболее часто «Легенда...» понимается исследователями как попытка Достоевского указать на недостатки католицизма с его папством и мечом Кесаря. И действительно есть достаточное количество материалов, в том числе записи самого Достоевского, подтверждающие справедливость данной позиции, однако воспринимать ее как исчерпывающую все содержание легенды нам представляется ошибочным и невозможным.

Итак, Инквизитор говорит о том, что Христос думает о человеке лучше, чем тот есть на самом деле, потому что отказался подчинять его через чудо, тайну и авторитет, проигнорировав три искушения дьявола, в

которых и заключается вся история человечества. Отказался превращать камни в хлеба и накормить людей, чтобы они пошли за ним. Отказался подчинять их через чудо и сделал бунтовщиками, а бунтовщики не могут быть счастливы. И зря понадеялся, что человек останется с Богом без чуда, ведь, по мнению Великого Инквизитора, человек нуждается не столько в Боге, сколько в чудесах. Великий Инквизитор — аскет и человек идеи, идеи, которая, «придавила». Он не хочет материальных благ, но не верит ни в Бога, ни в смысл мира, ради которого людям стоило бы страдать. Однако, потеряв веру в Бога, Инквизитор сразу теряет веру и в человека. Это две стороны одной и той же веры: нельзя утратить одну и сохранить другую. Христианство предполагает не только веру в Бога, но и веру в человека: в то, что для человека свобода дороже счастья, в то, что человек настолько силен, что не отдаст свою свободу ради довольства. Человек начинается там, где познается добро и зло. Сознание человека появляется только там, где есть страдание. Великий Инквизитор бунтует против Бога во имя самого маленького человека. Пытаясь построить рай на земле, Вавилонскую башню без участия Бога, Инквизитор своим, как сказал бы Иван Карамазов, эвклидовским умом, пытается построить более совершенный миропорядок, чем тот, который был утвержден Богом. В попытках поправить не им установленные порядки он отпадает от человечества, а не примыкает к нему, и лишает себя свободы взамен власти.

Проблемы веры и безверия, свободы, жизни человека в метафизической ситуации смерти Бога, смысла мироздания, теодицеи и оправдания страдания — вот проблемы, которые поставил Ф. М. Достоевский перед миром своей «Легендой...». И эти глубинные антропологические проблемы общезначимы: на эти вызовы пытались ответить представители как русской, так и европейской философии.

Остановимся чуть подробнее на уже существующих в мировой философской мысли трактовках «Легенды» и проанализируем позиции представителей русской философской традиции, а именно В. В. Розанова, Н. А. Бердяева, С. Л. Франка, а также представителей европейской интеллектуальной мысли, таких как Герман Гессе, Альбер Камю, Зигмунд Фрейд и Иолан Нейфельд. Эти мыслители были выбраны автором статьи не случайно, именно сопоставление этих позиций поможет продемонстрировать разницу между русской и западной философской мыслью. Стоит отметить, что значительную часть

мыслителей, как русских, так и европейских, например, Бердяева, Розанова, Камю и др., объединяет либо явно, либо неявно высказанная идея о попытке со стороны Великого Инквизитора подменить царство небесное царством земным, построить новую Вавилонскую башню, заменить царство благодати царством справедливости.

1. Осмысление идей «Легенды о Великом Инквизиторе» в русской философии

В. В. Розанов написал большую работу, посвященную «Братьям Карамазовым» и назвал ее просто «О легенде “Великий Инквизитор”». С большой любовью отзываясь о Достоевском, он пишет, что тот являлся главным аналитиком человеческих швов и «не установившегося в человеческой жизни» [19, с. 98]. Саму легенду он характеризует как такую, которая высказывает точку зрения «единственно серьезную со стороны нападающей и, пожалуй, единственно угрожающей для стороны нападаемой» [19, с. 117]. Связано это с тем, что Иван развивает идею о том, что невозможно совместить Бога, который страдает, с человеческим страданием, а также Бога, который справедлив, с преступлением, которое навсегда останется неотомщенным. Розанов пишет: «Тварь не отрицает творца своего, она Его признает и знает; она восстает против Него, отрицает творение его и вместе с ним — себя, ощутив в порядке этого творения несовместимое с тем, как именно она сама сотворена. Воля, высшая и мудрая, из непостижимого источника излитая в мироздание, в одной частице его, которая именуется человеком, восстает против себя самой и ропщет на законы, по которым она действует» [19, с. 118]. И действительно, Иван говорит Алеше, что он не Бога не принимает, а мира Божьего. Проклятые вопросы, всплывающие в сознании, доводят его до иступления и изнеможения, и он решает перестать что-то понимать и остаться при факте. Но вопросы, поставленные в горизонте сознания, не разрешаются фактами, поэтому старец Зосима и характеризует Ивана как того, кто сам не верит в свою диалектику. Но это единственный способ для измученного человека перестать страдать: «погаси во мне сознание и дай забвения», [19, с. 127] — просит Иван у Бога. Сознать слишком трудно, и он пытается избавиться от специфически человеческого способа существовать. Здесь сказывается надломленность человека, который неспособен продолжать

идти по тому пути, по которому его от неизвестного начала к неизвестному концу ведет провидение. В чем же опасность нападения, по Розанову, для Бога со стороны Ивана? В том, что он пытается подорвать связь человека между ним самим и тремя мистическими актами, верой в которые он живет, а именно акт грехопадения, акт искупления и акт возмездия. Бог впервые отвергается не потому что в него не верят, а потому что его больше не хочет принимать человек. «Здесь восстает на Бога божеское же в человеке» [19, с. 128]. Диалектика построена так, что не представляется возможным одновременно защищать Бога и не вызывать в человеке чувства глубокого оскорбления. Вспоминая картины убитых, растерзанных собаками детей, Иван подкапывает что-то даже в самом Алеше, когда тот соглашается с тем, что надо растерзать того, кто приказал ребенка собаками затравить. Иван усмехается и приговаривает, что Алеша не такой уж и простой послушник, каким кажется. Несправедливость страдания детей и ужасы нарисованных Иваном картин делают его боль чем-то таким, что требует отмщения и справедливости. Именно этого Иван требует у Бога, когда говорит, что лучше останется с неотомщенными и растерзанными детьми, чем с Богом. Здесь раскрывается одна из самых тонко подмеченных способностей человеческой души, а именно снижение уровня боли через неотмщение. Оставшееся неотомщенным вызывает в Иване боль, злость, желание найти справедливость и выдуманное им же самим право требовать этой справедливости у Бога, в то время как отсутствие всех этих чувств, полученное через отмщение этого страдания, оставит ему исключительно боль, справиться с которой может не каждый человек. Так Иван подрывает веру в неизбежность акта возмездия.

Критика акта искупления, по Розанову, совпадает с критикой католицизма и высказывается как «суд над жизнью и учением Христа» [19, с. 132]. Инквизитор говорит, что дары, которые были преподнесены Христом человеку, настолько велики, что тот не в состоянии вместить их в себя. Свобода, попытки познать добро и зло и сделать собственный выбор, терпеть сомнения и выстаивать — все это оказывается не под силу большинству людей. В результате, они нуждаются в духовном руководстве. Взвалив на человека бремя свободы, Христос поступил так, будто вовсе не любил его. Ведь в результате безвинные, слабые не смогут спастись. Любовь к человеку и здесь вроде как оказывается сердцевинной всей диалектики.

Но эта любовь является кажущейся, потому что она повлечет за собой построение очередной возведенной своими силами и своим умом Вавилонской башни. В этой трактовке идей Великого инквизитора сходятся многие русские философы, о которых в статье уже шла и будет идти речь. Что нужно для построения этой башни? «понижение уровня психического в человеке. Погасить в нем все неопределенное, тревожное, мучительное, упростить его природу до ясности» [19, с. 149]. Т. е. вычистить из него все то, что делает его человеком.

В главе «Великий инквизитор» из книги под названием «Новое религиозное сознание и общественность» Н. А. Бердяев также анализирует интересующий нас отрывок из произведения Достоевского. Он сосредотачивается на трактовке трех искушений, что, по словам Великого Инквизитора, содержали ключ от тайны, которой является человек. Первое искушение — искушение хлебами, в которые превратились камни. Людей нужно накормить, и они пойдут за тобой — рассуждает Великий Инквизитор. Бердяев видит в этом социализм «как религию, как замену хлеба небесного хлебом земным, как построение Вавилонской башни» [2, с. 225]. Великий Инквизитор не верит в высшую природу человека, в то, что духовное ему нужнее, чем хлеб. К чему это приводит? К демократизму, где все построено на лжи, ведь уравнивание достигается за счет торжества посредственности среди всех и всего. Именно это мы видим сейчас как одно из самых важных проявлений господства постгуманистических идеологий. Бердяев противопоставляет этому русскую соборность, т. е. «собираение человеческих личностей в Богочеловечестве» [2, с. 227].

Второе искушение — искушение чудом, тайной и авторитетом. Отрицание истины, что человек должен спастись, избрав бога свободной любовью, а не быть поработленным чудом, и есть второе искушение. Христос явился на землю в виде униженного и растерзанного человека, а не властелина и царя, чтобы человек мог свободно полюбить его. Но Великий Инквизитор отрицает свободу и предлагает подчинять человека через чудо, тайну и авторитет.

Третье искушение, которое Бердяев называет самым могущественным, становится искушение царством земным. «Третье искушение есть путь человековластия, все равно — власти одного, многих или всех, есть обоготворение государства как окончательного соединения и устройства на земле» [2, с. 230]. Преодоление всех трех искушений —

это смысл всей будущей истории человечества. «Христос не всемирный покой проповедовал, а всемирную борьбу для последнего освобождения и спасения мира, для раскрытия смысла мира» [2, с. 231]. При этом главным в легенде становится для Бердяева то, что Достоевский «вплотную сдвигает свою тайну о человеке с тайной о Христе» [1, с. 68].

Продолжая свой анализ, остановимся на статье русского философа

С. Л. Франка под названием «Легенда о Великом Инквизиторе». Начинает Франк с предостережения от того, чтобы воспринимать «Легенду...» исключительно как критику католицизма, ведь «она охватывает собой, например, и революционный социализм, который по пророческому прозрению Достоевского, несовместим со свободной личностью и неминуемо ведет к тоталитарной деспотии и даже к всеобщему порабощению» [24, с. 244]. Говоря о диалектичности как одном из главных свойств мысли Достоевского, Франк заявляет, что «Легенда...» помогает Достоевскому вскрыть внутреннюю антиномию. Особенностью антиномии является невозможность окончательного разрешения в победе тезиса или антитезиса. Эта идея позволяет внимательнее отнестись к кажущемуся на первый взгляд разделению Достоевским позиции Алеши Карамазова. Проблемой «Легенды...» становится то, что довлеет над человеком в результате грехопадения, а основной мыслью — достижение рая земного. Таким образом, речь здесь идет о попытке человечества обрести детское сознание, находящееся по ту сторону добра и зла. Попытки обращаться к этой теме Достоевский предпринимал и ранее. В апреле 1877 года в составе «Дневника писателя» выходит фантастический рассказ под названием «Сон смешного человека». Во сне главный герой якобы после смерти оказывается в интересном месте: «это была земля, не оскверненная грехопадением, на ней жили люди несогрешившие, жили в таком же раю, в каком жили, по преданиям всего человечества, и наши согрешившие прародители, с тою только разницей, что вся земля здесь была повсюду одним и тем же раем» [7, с. 675]. Герои эти, по Франку, будут обладать сознанием по ту сторону добра и зла, изначальное грехопадение будет отменено, а люди смогут вновь обрести первоначальную внутреннюю гармонию. Именно эту сокровенную черту человеческого сердца угадывает Великий Инквизитор и, опираясь на нее, пытается поработить людей. Но какую цену должны будут заплатить люди за такой

рай на земле? Отказаться от творческой тревоги духа. Здесь Франк нащупывает своеобразную дихотомию духа и покоя: «дух есть тревога и мука, подрывное начало, делающее человеческую жизнь проблематичной, превращающее ее в трагедию, влекущую за собой муки свободной ответственности и внутреннего принятия решений» [24, с. 243]. Но сознание собственной свободы оказывается не только соразмерным желанию достичь рая на земле, но даже превосходящим его по силе. Это всемогущая потенция человеческого духа, которая является самой сердцевиной человеческого существа. В конечном счете, человек стремится именно к тому, чтобы оставаться человеком, т. е. быть свободным. Таким образом, человек восстает против всего разумного и нормативного во имя сохранения за собой возможности оставаться человеком. Великий Инквизитор тогда становится носителем греха, который Франк называет презрением к человеку. Относясь к нему как к слабому и безвольному существу, неспособному вместить в себя дарованную Богом свободу, Великий Инквизитор пытается уничтожить человека как того, кто создан по образу и подобию Богию.

Вторым звеном антинормы выступает свобода. Может ли тогда свобода человека мыслиться как абсолютная свобода? Нет, потому что «нагое, лишенное содержания понятие свободы неизбежно перерастает в сознание себя сверхчеловеком» [24, с. 248]. Именно по этой логике развивалась европейская философская мысль, достигшая одной из пиковых своих точек в философии блестящего европейского мыслителя Фридриха Ницше. В одном из главных своих сочинений под названием «Так говорил Заратустра» устами главного героя он провозгласил: «...этот святой старец в своем лесу еще не слышал, что Бог мертв» [16, с. 289]. Однако, убив Бога, европейская философия не смогла сохранить и человека, и уже в 1965 году Мишель Фуко, отвечая на вопросы Алена Бадью, скажет: «человека на самом деле не существует» [26]. Именно от этого пути предостерегает нас Франк, анализируя «Легенду о Великом Инквизиторе». Для человека, удерживающего Бога, свобода предоставляет возможности для преодоления пределов собственной личности. «Богочеловек — т. е. одновременно и Бог, и человек — сочетает трансцендентное с имманентным, выводит человека из его изоляции и состояния покинутости Богом — безо всякого принуждения, без отрицания свободного, творческого естества человека»

[24, с. 249]. Франк обвиняет Великого Инквизитора в том, что тот возомнил себя сверхчеловеком и идет по пути презрения других.

Таким образом, мы можем говорить о том, что трактовки русских философов этой легенды схожи в своей сердцевине. Они обращают внимание на Божеское в человеке, сложность и возвышенность человеческой природы, которая жаждет не хлеба, а через соборность пытается удержать абсолют. Они отвергают попытки Великого инквизитора лишить человека свободы, силы и воли, во имя установления земного рая вместо небесного. Возвеличивая человека и видя в нем того, чья субъективность гарантирована Богом, русская философия пытается отстоять человека, его онтологическую инаковость и стремление к Абсолютному несмотря ни на что.

2. Трактовка проблематики «Легенды о Великом Инквизиторе» в европейской мысли.

Обратимся теперь для сравнения к трактовкам западных мыслителей. Начнем с произведения А. Камю «Бунтующий человек». Анализируя тип бунтовщика, философ не единожды обращается к героям Достоевского. Данная трактовка интересна нам в первую очередь как попытка высветить ключевые тенденции европейской мысли, которые укоренены в Римской патристике, и их отличия от русской философской системы, укорененной, свою очередь, в Византийской. Будучи бунтовщиком, Иван Карамазов, в трактовке Камю становится тем, кто «отстаивает справедливость, которую ставит выше божественности». «Он вовсе не отрицает существования Бога. Иван Карамазов отвергает его во имя нравственной ценности» [12, с. 160]. Он позволяет себе свесика судить Бога, в отличие от романтиков, которые стремились говорить с Богом на равных. Карамазов «открыто отказывается от тайны и, как следствие этого, от Бога как от принципа любви» [12, с. 160]. Иван также, согласно Камю, подрывает глубокую зависимость, существующую между страданием и истиной, которую заложил Христианство. Герой отказывается от спасения, постулируя принятие зла как необходимую его часть. Он не отвергает истину, но характеризуют ее как неприемлемую, и «солидаризируется с проклятыми и ради них отказывается от неба» [12, с. 161]. В основе бунта Ивана лежит глубокое ощущение неправоты Бога и «вынужденность творить зло в силу логической последовательности» [12, с. 162].

Результатом восстания против Бога становится принцип «все дозволено» [6, с. 100], который воспринимается Смердяковым как позволение на убийство отца Ивана и, возможно, самого Смердякова. Таким образом, получается, что Иван в результате бунта допускает саму возможность убийства. Ведь он сталкивается с дилеммой: остаться добродетельным, но при этом алогичным или не изменять логике и стать преступником. Однако главным для Камю становится вопрос, который задается в самом романе: можно ли жить в состоянии бунта? Можно, пишет Камю, но только в том случае, если метафизический бунт завершается метафизической революцией. Когда власть Бога на земле оспорена, на его месте должен оказаться человек. Но у Ивана попытка захвата власти остается чисто моральной. При этом, согласно Камю, Достоевский через него становится пророком новой религии. Ведь придут другие и более серьезные, которые из той же точки отрицания и боли будут требовать себе право стать во главе мира. Ведь такие, как Великий Инквизитор, знают, что «люди не столько подлы, сколько ленивы и предпочитают покой и смерть свободе различать добро и зло» [12, с. 164]. И именно они достигнут того единства для человечества, которого не получилось достичь с помощью Бога.

В этой трактовке мы снова можем наблюдать раскрытие той самой внутренней логики европейской мысли, о которой написано выше. Ведь тем, кто довел метафизический бунт до метафизической революции, становится Заратустра Фридриха Ницше. Как справедливо замечает в своей книге профессор Н. Н. Ростова, «Ницше объявляет не атеизм, но антиантропологизм. Смерть Бога его волнует в перспективе расчеловечивания человека» [20, с. 58]. Бог удерживал собой конкретный антропологический тип, который без него существовать не может. Однако все это лишь закономерный результат развития эллинской философской мысли, опора на которую свойственна западной философской традиции и несвойственна русской религиозной философии. В статье «К антропологической модели третьего тысячелетия» С. Хоружий отмечает, что Христианство в своем аутентичном Евангельском ядре формирует радикально другой тип онтологии и антропологии. Сформированная эллинской традицией онтология становится мыслью о едином бытии, в то время как Ветхозаветная традиция находит свое закономерное осмысление в холистической антропологии, в которой «человек сложен в своем

составе, однако в своем отношении к Богу, бытийном статусе есть единое целое» [27, с. 110]. Таким образом, мы можем говорить об антропологической революции, ведь человек будучи бытийно единым, продолжает быть бытийно изменяющимся, поскольку за ним есть определенное бытийное назначение. Именно такой фокус и вытекающий из этого антропологизм оказывается свойственным русской философской традиции. На смену важной для европейского мышления потребности доказать, в русской традиции приходит необходимость показать. Следствием этого становится важность дихотомии истина-ложь для европейского сознания и ее незначительность для русского. Трактую Достоевского, Камю постоянно говорит о попытке Ивана найти истину, забывая о том, что русский человек пытается увидеть Бога, а не объявить его истинным или ложным.

Далее будут сопоставлены подходы к Достоевскому, предложенные З. Фрейдом в его работе «Достоевский и отцеубийство» и И. Нейфельдом в «Достоевском». Объединить данных авторов нам позволяет не только тот факт, что они идейно говорят об одном и том же, но также и то, что психоаналитический очерк Нейфельда вышел под редакцией Фрейда. Оба автора считают, что Достоевский задавал своим читателям большое количество загадок, которые остаются неразрешимыми психологией сознательного. Однако основная мысль текстов заключается в том, что через все творчество Достоевского красной нитью проходит Эдипов комплекс, с которым не мог справиться писатель. «Вечный Эдип жил в этом человеке и создавал эти произведения; это был человек, никогда не преодолевший свой комплекс Эдипа». [17, с. 316]. Используя различные факты из биографии Достоевского, иногда правдивые, иногда ложные, Нейфельд ищет в них опоры для доказательства их с Фрейдом идей. Факт осуждения Достоевского в рамках дела петрашевцев трактуется как попытка убить царя-отца, ведь русские часто называют царя батюшкой. Также Нейфельд с большим интересом пытается ответить на вопрос о том, почему человек, так любящий родину очень много времени проводил за границей? Казалось бы, ответом на этот вопрос могут служить факты из биографии самого Достоевского, согласно которым за границей он оставался на годы, потому что не мог справиться с долгами и боялся арестов. А его письма, в свою очередь, свидетельствуют о невероятном желании писателя вернуться на родину и переживаниях из-за невозможности это сделать.

Но ни Фрейда, ни Нейфельда эти ответы не интересуют, поскольку не подтверждают их идеи. Роман «Братья Карамазовы» в этом ключе закономерно воспринимается как кульминация этих идей в творчестве Достоевского. В этом ключе трактуется и имя отца — Федора Карамазова и даже тот факт, что убийца Смердяков так же, как и сам Достоевский, страдал эпилепсией. Роман не был окончен, писал Нейфельд, потому что во второй части нужно было показать, как все три брата Карамазовы справляются со своим Эдиповым комплексом. А это было невозможно для Достоевского, поскольку он не смог справиться с ним сам. Данная мысль опровергается на том простом основании, что Достоевский умер через два месяца после окончания публикации романа, а значит, не мог физически написать продолжение. Данная трактовка в целом кажется нам ограниченной, потому что является способом редуцировать человека до биологического. Также снова необходимо заметить, что, как было показано выше, она часто основывается не на фактах, а на домыслах, не имеющих ничего общего с реальной биографией Достоевского.

Герман Гессе в своем эссе «Братья Карамазовы, или закат Европы» пишет о том, что, обладая прозорливостью пророка, Достоевский в своем романе небывало отчетливо предсказывает закат Европы. «Идеал Карамазовых, древний, азиатский оккультный идеал, начинает становиться европейским, начинает поглощать европейский дух. И это я называю закатом Европы». [4, с. 312] «В двух словах, это отказ от любой твердо установленной этики и морали в пользу всепонимания, всепримирения, новой, опасной, страшной святости — той, что предрекает старец Зосима, что наполняет жизни Алеши» [4, с. 313]. «Следовательно, новый идеал, угрожающий подсечь корни европейского духа, — это, по-видимому, полная аморальность мыслей и чувств, способность даже в самом дурном, самом безобразном прозревать божественное, необходимое, судьбоносное» [4, с. 314]. Вскрывая смысл этих цитат, мы видим, какой человек угрожает Европе? Человек с нестертыми дихотомиями, в котором уживается и дурное и хорошее, и прекрасное и безобразное, противоречивый, сложный, мягкий и жестокий одновременно. Тот человек, которого не смогла подчинить себе рациональная европейская философия, который не поддается контролю со стороны разума, а продолжает проявлять специфически человеческие стороны собственной личности. Человек,

который как герой «Записок из подполья» «слишком сознает», [10, с. 598] хочет послать все алгоритмы к черту и разрушить хрустальное здание только ради того, чтобы свою волю заявить. Тот человек, который допускает всепримирение, потому что видит в другом частицу бесконечного. Достоевский в письмах писал, что после убийства старухи-процентщицы Раскольников сталкивается с тем, что он оторван от людей, он больше не часть чего-то, что составляет саму его суть. Он «принужден, чтобы хотя погибнуть в каторге, но примкнуть опять к людям; чувство разомкнутости и разъединенности с человечеством, которое он ощутил тотчас же по совершении преступления, замучило его» [9, с. 110]. И дело здесь в том, что все люди объединены как те, кто несет в себе частицу бога. Поправ не человеком установленные порядки, Раскольников отрезает себя от возможности быть частью «собираения человеческих личностей в богочеловечестве» [2, с. 227]. И русское всепримирение, которое так напугало Гессе, не про позволение любого произвола, а про возможность человека вернуться к Богу, даже если он совершил недопустимое. Про преображение человека даже в ситуации, когда оно, казалось бы, уже невозможно. Как глубоко замечает В. С. Соловьев в «Речах в память Достоевского», «...он верил в бесконечную силу человеческой души, торжествующую над всяким внешним насилием и над всяким внутренним падением». [23, с. 57] Но европейской мысли, которую транслирует Гессе, не нужен всякий человек, потому что она не знает, кто он такой. Ей нужен конкретный. Какой человек нужен европейской философии? Тот Иван Карамазов, с которым мы знакомимся в самом начале романа. Потому что дальше, согласно Гессе, «показано превращение Ивана из цивилизованного человека в Карамазова, из европейца — в русского, из типа, сформированного историей, — в бесформенный материал будущего! С потрясающей убедительностью, свойственной сну, описано это постепенное скатывание Ивана прочь из светлого, подобно нимбу круга выдержки, разума, холодности и учености в истерию, в русское, в карамазовщину.» [4, с. 315] Далее Гессе признает слабость европейского разума понять русского человека и заявляет: «...подходя с европейской позиции, твердой, моральной, этической, догматической позиции, нам его не раскрыть. В этом человеке уживается внешнее и внутреннее, добро и зло, Бог и сатана». [4, с. 316] Что не может раскрыть европейская философия, которая,

как справедливо утверждает профессор Ф. И. Гиренок в своей монографии «Введение в сингулярную философию», так и не сумела поставить вопрос о человеке? Идею двойственности человеческой природы, которая вмещает в себя и внешнее и внутреннее, антиномии и дихотомии. Двойственность человека, по Достоевскому, гарантирована сознанием, но его в европейской мысли пытаются вытеснить разум и бессознательное. Так же как закон — мораль, а сам разум сегодня — алгоритмы и ИИ.

Заключение

Возвращаясь к «Легенде...» Достоевского, нужно заметить, что Инквизитор предлагает побороть свободу для того, чтобы сделать людей счастливыми, т. е. избавить человека от того, чтобы быть человеком. Люди устали быть людьми, хотят быть алгоритмами. Ведь сознание, как глубококомысленно заметил Преподобный Иустин (Попович), «самая издевательская привилегия, которую имеет человек». [18, с. 73] Русский человек — бунтовщик, он не отдает свое право на сознание, не хочет быть по ту сторону добра и зла и не пытается выбрать для себя раз и навсегда тезис или антитезис. Он мучается в постоянных, ежесекундных попытках удержать бесконечное, он сомневается и мечется. Он атеист и верующий. Его, как говорил Кириллов, всю жизнь мучит Бог. Сознующий атеист — это такой атеист, который, как говорит старец Зосима, в одном шаге от Бога. Он борется с Богом из тоски по Богу. Где прячется сознание? «В неспокойстве, смятении, несчастьи» [6, с. 303]. Самыми несчастными были те, которые, как говорит Великий Инквизитор, сильнее других сознавали. Уставшие сознавать люди, предсказывает Инквизитор, придут и попросят: «...спасите нас от себя самих» [6, с. 306], т. е. спасите человека от человеческого в нем. Человек мучается тем, что он человек. Иван Карамазов, ища в этом мире Великого Инквизитора, оформляет таким образом собственную потребность в духовном руководстве. Будучи измотанным постоянными попытками понять цель созданного Богом мира, Иван своим «эвклидовским умом» [6, с. 279] не может найти те ответы, которые помогут ему себя не уничтожить. Приведя в мир Великого Инквизитора, он пытается избавиться хотя бы от вопросов, потому что понимает, как они могут измучить. Но это у него, как мы видим, не получается и не получится, потому что как тонко отмечает К. Н. Леонтьев: «...такое состояние, такие колебания горести и боли — вот единственно возможная на зем-

ле гармония» [13, с. 46]. Пытаясь удержать человека при Боге, Достоевский, а с ним и многие представители русской философии, а именно Бердяев, Соловьев, Леонтьев, Розанов, Франк, стремились отстоять человека и не допустить его элиминации из философского дискурса, подрывания его онтологического статуса, а также последующего вслед за этим изъятия у него привилегий существования. Европейский философский дискурс, в свою очередь, наоборот, как в прошлом, так и сегодня продолжает стремиться онтологически уравнивать человека и мир, редуцировать человека или сдвинуть его на периферию, а также отнять его бытийственную уникальность. Русская философия продолжает и сегодня предпринимать попытки концептуализировать человека без стремления в конечном счете его «употребить». Такими попытками становятся концепты Н. Н. Ростового «человек — литургический», Ф. И. Гиренка «Человек-аутист», «Человек перехода» С. А. Смирнова и др. Возможности, которые и в прошлом и на сегодняшний день в философской антропологии, предоставляет русский философский дискурс в конечном счете помогут отстоять человека во время торжества технократизма и попыток вытеснить его на периферию философской мысли, а также уравнивать с постчеловеческими сущностями или животными. Человек, который не живет в метафизической ситуации смерти Бога, сохранит свой особый статус как тот, кто создан по образу и подобию Божию, а значит, будет менее уязвим в наступившую эпоху технократизма.

1. Бердяев, Н. А. Мирозерцание Достоевского / Н. А. Бердяев. — М. : Академический проект, 2019. — 560 с. (Мир Достоевского).

2. Бердяев, Н. А. О великом инквизиторе: Достоевский и последующие // Н. А. Бердяев. Новое религиозное сознание и общественность. — М. : Молодая гвардия, 1992. — С. 219—241.

3. Булгаков, С. Н. О великом инквизиторе: Достоевский и последующие // С. Н. Булгаков. Иван Карамазов в романе Достоевского «Братья Карамазовы» как философский тип. — М. : Молодая гвардия, 1992. — С. 193—217.

4. Гессе, Г. Магия книги: эссе о литературе / Г. Гессе. — СПб. : Лимбус Пресс : Изд-во К. Тублина, 2022. — 336 с.

5. Гиренок, Ф. И. Введение в сингулярную философию : монография / Ф. И. Гиренок. — М. : Проспект, 2022. — 304 с.

6. Достоевский, Ф. М. Братья Карамазовы : роман / Ф. М. Достоевский. — Москва : Эксмо, 2020. — 896 с. (Библиотека всемирной литературы).
7. Достоевский, Ф. М. Дневник писателя. Сон смешного человека : фантастический рассказ / Ф. М. Достоевский — СПб. : Азбука : Азбука-Аттикус, 2021. — С. 665—684 (Русская литература. Большие книги).
8. Достоевский, Ф. М. Неизданный Достоевский: записные книжки и тетради 1860—1881 гг. / Ф. М. Достоевский. — Т. 83. — М. : Наука, 1971. — 726 с.
9. Достоевский, Ф. М. Письма 1861—1871 / Ф. М. Достоевский. — М. : T8RUGRAM, 2018. — 460 с.
10. Достоевский, Ф. М. Записки из подполья / Ф. М. Достоевский. Полное собрание повестей и рассказов в одном томе — М. : Альфа-Книга, 2019. с.: ил. — С. 596—674. (Полное собрание в одном томе)
11. Достоевский, Ф. М. Преступление и наказание : [роман] / Ф. М. Достоевский. — Москва : Эксмо, 2019. — 608 с.
12. Камю, А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство : пер. с фр. / А. Камю. — М. : Политиздат, 1990. — 415 с. — (Мыслители XX века).
13. Леонтьев, К. Н. О великом инквизиторе: Достоевский и последующие // К. Н. Леонтьев. Наши новые христиане. — М. : Мол. гвардия, 1992. — С. 13—55.
14. Лосский, Н. О. Достоевский и его христианское миропонимание / Н. О. Лосский. — М. : Книга по требованию, 2021. — 412 с.
15. Митрополит Иларион (Алфеев). Евангелие Достоевского / Митрополит И. Алфеев. — М. : Издательский дом «Познание», 2021. — 232 с.: ил.
16. Ницше, Ф. Так говорил Заратустра / Фридрих Ницше ; пер. с нем. Ю. Антоновского, Е. Соколовой, С. Франка. — СПб. : Азбука : Азбука-Аттикус, 2021. — С. 285—532. (Non-fiction. Большие книги)
17. Нейфельд, И. Феномен Достоевского. Западные исследователи творчества писателя / Иолан Нейфельд. — М. : Академический проект : Фонд «Мир», 2019. — С. 313—366.
18. Преподобный Иустин (Попович). Философия и религия Ф. М. Достоевского ; пер. с сербского академика Сербской Академии наук и искусств И. А. Чароты / Преподобный И. Попович. — Минск : Изд-во Дмитрия Харченко, 2014. — 439 с.
19. Розанов, В. В. О великом инквизиторе: Достоевский и последующие / В. В. Розанов. О легенде «Великий инквизитор». — М. : Молодая гвардия, 1992. — С. 73—191.
20. Ростова, Н. Н. Мягкая сила постгуманизма. Что нам мешает мыслить по-русски? : монография / Н. Н. Ростова. — М. : Проспект, 2022. — 184 с.
21. Ростова, Н. Н. Проблема человека в современной философии : монография / Н. Н. Ростова. — М. : Проспект, 2020. — 176 с.
22. Сальвестрони, С. Библейские и святоотеческие источники романов Достоевского : пер. с ит. / Симонетта Сальвестрони. — М. : Изд-во ББИ, 2015. — 258 с. (Религиозные мыслители)
23. Соловьев, В. С. О великом инквизиторе: Достоевский и последующие / В. С. Соловьев. Из речей в память Достоевского. — М. : Молодая гвардия, 1992. — С. 57—71.
24. Франк, С. Л. О великом инквизиторе: Достоевский и последующие / С. Л. Франк. Легенда о Великом Инквизиторе. — М. : Молодая гвардия, 1992. — С. 243—249.
25. Фрейд, З. Феномен Достоевского. Западные исследователи творчества писателя. / З. Фрейд. Достоевский и отцеубийство. — М. : Академический проект : Фонд «Мир», 2019. — С. 295 — 313.
26. Фуко, Мишель. «Человека на самом деле не существует»: о том, что такое психология. — URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/5556-cheloveka-na-samom-dele-neshchestvuet-mishel-fuko-o-tom-chto-takoe-psikhologiya> (дата обращения: 25.05.2023).
27. Хоружий, С. С. К антропологической модели третьего тысячелетия / С. С. Хоружий. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-antropologicheskoy-modeli-tretiego-tysyacheletiya/viewer> (дата обращения: 27.05.2023).

References

1. Berdyaev N. A. (2019) Mirosozercanie Dostoevskogo [Dostoevsky's worldview]. Moscow, Akademicheskij proekt, 560 p. [In Rus].
2. Berdyaev. N. A. (1992) O velikom inkvizitore: Dostoevskij i posleduyushhie. Iz knigi Novoe religioznoe soznanie i obshhestvennost' [About the Grand Inquisitor: Dostoevsky and the following. New religious consciousness and the public]. Moscow, Molodaya gvardiya, pp. 219-241 [In Rus].
3. Bulgakov S. N. (1992) O velikom inkvizitore: Dostoevskij i posleduyushhie. Ivan Karamazov v romane Dostoevskogo Brat'ya Karamazovy kak filosofskij tip [About the Grand Inquisitor: Dostoevsky and the following. Ivan Karamazov in Dostoevsky's novel as a philosophical type]. Moscow, Molodaya gvardiya, pp. 193-217 [In Rus].

4. Gesse G. (2022) Magiya knigi: e'sse o literature [The magic of the book: essays about literature]. Saint Petersburg, Limbus Press, K. Tublina, 336 p. [In Rus].

5. Girenok F. I. (2022) Vvedenie v singularnyuyu filosofiyu: monografiya [Introduction to singular philosophy: monograph]. Moscow, Prospekt, 304 p. [In Rus].

6. Dostoevskij F. M. (2020) Brat'ya Karamazovy [The Brothers Karamazov]. Moscow, E'ksmo, 896 p. [In Rus].

7. Dostoevskij F. M. (2021) Dnevnik pisatelya. Son smeshnogo cheloveka. Fantasticheskij rasskaz [The Writer's diary. A funny man's dream. A fantastic story]. Saint Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus, pp. 665-684 [In Rus].

8. Dostoevskij F. M. (1971) Neizdannyy Dostoevskij: zapisnye knizhki i tetradi 1860-1881 gg., [The unpublished Dostoevsky. Notepads and notebooks 1860-1881]. Moscow, Nauka, Vol. 83. 726 p. [In Rus].

9. Dostoevskij, F. M. (2018) Pis'ma 1861—1871 [The letters 1861—1871]. Moscow, T8RUGRAM, 460 p. [In Rus]

10. Dostoevskij F. M. (2019) Polnoe sobranie povestey i rasskazov v odnom tome [The complete collection of novels and short stories in one volume]. Moscow, pp. 596-674 [In Rus].

11. Dostoevskij F. M. (2019) Prestuplenie i nakazanie [Crime and punishment: the novel]. Moscow, E'ksmo, 608 p. [In Rus].

12. Kamyu A. (1990) Buntuyushhij chelovek. Filosofiya. Politika. Iskusstvo [The rebellious man. Philosophy. Politics. Art]. Moscow, Politizdat, 415 p. [In Rus].

13. Leont'ev K. N. (1992) O velikom inkvizitore: Dostoevskij i posleduyushhie. Iz knigi «Nashi novye xristiane» [About the Grand Inquisitor: Dostoevsky and the following. From the Book «Our New Christians»]. Moscow, Mol. Gvardiya, pp. 13-55 [In Rus].

14. Losskij N. (2021) Dostoevskij i ego xristianskoe miroponimanie. [Dostoevsky and his Christian worldview]. Moscow, Kniga po Trebovaniyu, 412 p. [In Rus].

15. Mitropolit Ilarion (Alfeev). (2021) Evangelie Dostoevskogo. [Dostoevsky's Gospel]. Moscow, Poznanie, 232 p. [In Rus].

16. Nicshhe F. (2021) Tak govoril Zarathustra [Thus spake Zarathustra]. Saint Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus, pp. 285-532 [In Rus].

17. Nejfel'd Iolan (2019) Fenomen Dostoevskogo. Zapadnye issledovateli tvorchestva pisatelja. Dostoevskij [The phenomenon of Dostoevsky. Western researchers or the writer's work. Dostoevsky]. Moscow, Akademicheskij proekt; Fond «Mir», pp. 313-366 [In Rus].

18. Prepodobnyj Iustin (Popovich) (2014) Filosofiya i religiya F. M. Dostoevskogo. [Dostoevsky's philosophy and religion]. Minsk, Chastnoe predpriyatие «Izdatel'stvo Dmitriya Xarchenko», 439 p. [In Rus].

19. Rozanov V. V. (1992) O velikom inkvizitore: Dostoevskij i posleduyushhie. O legende «Velikij inkvizitor». [About the Grand Inquisitor: Dostoevsky and the following. About the legend of the Grand inquisitor]. Moscow, Mol. Gvardiya, pp. 73-191 [In Rus].

20. Rostova N. N. (2022) Myagkaya sila postgumanizma. Chto nam meshaet myslit' po-russki? : monografiya. [The soft power of posthumanism. What prevents us from thinking in russian: monograph]. Moscow, Prospekt, 184 p. [In Rus].

21. Rostova N. N. (2020) Problema cheloveka v sovremennoj filosofii: monografiya. [The problem of man in modern philosophy: monograph]. Moscow, Prospekt, 176 p. [In Rus].

22. Sal'vestroni Simonetta. (2015) Biblejskie i svyatootecheskie istochniki romanov Dostoevskogo. [Dostoevsky's Biblical and Patristic sources]. Moscow, Izdatel'stvo BBI, 258 p. [In Rus].

23. Solov'ev V. S. (1992) O velikom inkvizitore: Dostoevskij i posleduyushhie. Iz rechej v pamyat' Dostoevskogo. [About the Grand Inquisitor: Dostoevsky and the following. From speeches in memory of Dostoevsky]. Moscow, Mol. Gvardiya, pp. 57-71 [In Rus].

24. Frank S. L. (1992) O velikom inkvizitore: Dostoevskij i posleduyushhie. Legenda o Velikom Inkvizitore. [About the Grand Inquisitor: Dostoevsky and the following. The legend of the Grand Inquisitor]. Moscow, Molodaya gvardiya, pp. 243-249 [In Rus].

25. Frejd Zigmund. (2019) Fenomen Dostoevskogo. Zapadnye issledovateli tvorchestva pisatelja. Dostoevskij i otceubijstvo. [The phenomenon of Dostoevsky. Western researchers or the writer's work. Dostoevsky and parricide]. Moscow, Akademicheskij proekt; Fond «Mir», pp. 295 — 313 [In Rus].

26. Fuko M. Cheloveka na samom dele ne sushhestvuet: o tom, chto takoe psixologiya [Man doesn't really exist. Michel Foucault on what psychology is], available at: <https://theoryandpractice.ru/posts/5556-cheloveka-na-samom-dele-ne-sushchestvuet-michel-fuko-otom-chto-takoe-psikhologiya> — (accessed 25. 05. 2023). [In Rus].

27. Horuzhij S. S. K antropologicheskoy modeli tret'ego tysjacheletija. [Towards the anthropological model of the third millennium], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-antropologicheskoy-modeli-tretiegotysyacheletiya/viewer>. (accessed 27. 05. 2023). [In Rus].

Статья поступила в редакцию 07.06.2023

For citing: Kholodnova, K. N. Anthropology of the Grand Inquisitor in F. M. Dostoevsky's novel "The Brothers Karamazov" / K. N. Kholodnova // *Socium i vlast'* [Society and Power]. — 2023. — № 3 (97). — P. 66—77. — DOI 10.22394/1996-0522-2023-3-66-77. — EDN VPYTPD

UDC 128

EDN VPYTPD

DOI 10.22394/1996-0522-2023-3-66-77

ANTHROPOLOGY OF THE GRAND INQUISITOR IN F. M. DOSTOEVSKY'S NOVEL "THE BROTHERS KARAMAZOV"

Ksenia N. Kholodnova,

Lomonosov Moscow State University,
Faculty of Philosophy,
Postgraduate Student of the Department
of Philosophical Anthropology.
Moscow, Russia.
ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-7336-0230>
E-mail: kholodnovaksenia@mail.ru

Abstract

Introduction. The technocratization that a person faces in the current reality, along with increased life comfort, has also brought with it a clear threat to changing the status of a person in the world irrevocably. In the discourse of modern posthumanistic philosophy, attempts are being made not to annul the privileges of a person, but to extend them to the whole world, that is, to make suffering, the ability to question, subjectivity and other characteristics of a person belong to everyone. The Russian philosophical tradition of questioning about man throughout its existence denied and continues to deny the deanthropologization of the world and seeks to conduct a discourse about man as one who is ontologically not equal to the world and cannot be forced out of the privileged position he occupies.

The purpose of the article is to touch upon the most interesting, in the author's opinion, works existing in the world research field concerning the philosophical understanding of the "Legend of the Grand Inquisitor", as well as to develop her own idea, which is based on an attempt to philosophically and anthropologically refract the "Legend" and to show that it bears the features of precisely Russian philosophical thought and radically denies the deanthropological tendencies of Western thought, arising from its internal logic and naturally leading it to nullify the privileged position of man in the world, and to demonstrate the possibilities that the Russian philosophical tradition provides for overcoming the anthropological catastrophe, which is so widely discussed today.

Methods. The main method of the research is a comparative philosophical and literary analysis of the works of F. M. Dostoevsky, V. V. Rozanov, N. A. Berdyaev, S. L. Frank, A. Camus, Z. Freud, I. Neifeld, G. Hesse, as well as a point reference to the works of K. N. Leontiev, S. N. Bulgakov, N. O. Lossky and V. S. Solovyov. These types of analysis are aimed at identifying connotations and discrepancies in the philosophical systems of the studied thinkers, both at the level of textual analysis of their works, and at the level of studying their concepts. Textual analysis is used as an additional method. The author of the article gives a conscious preference to the comparative method, as such, which serves to achieve the purpose of the article.

Scientific novelty of the research. The paper focuses on comparing attempts to conceptualize a person in the discourse of Russian and European thought. As exemplified by a number of representatives of the Russian and Western intellectual traditions, as well as a comparative analysis of their concepts. The article attempts to reflect the deep difference between the two anthropologies. In addition, the author makes an attempt to find in the philosophy of F. M. Dostoevsky those deep anthropological problems that are of a universal nature, and have found their understanding, both in the Russian and in the European philosophical tradition.

Results. The author explores the anthropological configurations of the philosophies of the chosen thinkers. The article analyzes both Russian and European attempts to ask about a person, focusing their attention on interpreting the "Legend of the Grand Inquisitor", which is part of the last novel by the Russian writer and thinker F. M. Dostoevsky.

Conclusions. Russian philosophical thought, which is rooted in the Gospel tradition of comprehending man, is characterized by attempts to see person as finite, which contains the infinite. Russian philosophy in its ideas continues to defend man, his existential uniqueness and subjectivity, guaranteed by God. At the same time, European philosophy is on the path of development, in the process of which a person risks losing the privileges of existence, a posthuman, a superhuman is conceptualized, and a tendency is outlined to blur the border between a human and non-human entities.

Keywords:

Russian philosophy,
Dostoevsky's anthropology,
man,
deanthropologization